

Я не мог быть уверен, что это именно Лондон. Подобных холлов за свою непродолжительную жизнь я посетил немало — дешевые лестницы, жалобно поскрипывающие под человеческим весом, дрожащие перила, паркет, знавший лучшие времена. Договор с Пожирателями Времени был предельно прост и кристально ясен: меня отправляют в Марракеш, а после доставляют обратно в Лондон. Поэтому я и рассчитывал увидеть перед собой что-то знакомое.

Забрали меня прямо из уборной кафе, в котором я имел неосторожность завтракать. Человек в мантии просто открыл дверь — и я увидел, что за порогом больше нет ни столиков, ни приветливых официантов, только обочина забытой Господом дороги, покрытая слоем песка. Не успел я и глазом моргнуть, как Пожиратель Времени выпихнул меня в жаркий марракешский день. Хорошо хоть, что при мне оказались деньги и документы, иначе все могло закончиться, даже не начавшись. Так или иначе, Гильдия выполнила условия договора — я оказался на марокканской земле. Но где я сейчас?

Прижав к груди пакет с тирсом, я на цыпочках прокрался к лестнице. Одна ступень, вторая, третья предательски скрипнула. В тот же миг на втором этаже хлопнула

дверь и до меня донеслись тяжелые мужские шаги. Сперва я увидел не новые, но наверняка удобные туфли, затем поднял глаза и отметил, что костюм незнакомца сшит на заказ в не самом хорошем ателье. Лицо не выражало ничего, кроме тупого смирения и ледяного спокойствия.

— Пойдем, — его утробный голос раздавался из самых глубин мощного, широкого тела.

Я оглядел его внимательнее: лысый череп, испещренный шрамами, свернутый набок нос, бычья шея и маленькие злые глаза. Кем бы ни был мой похититель, охрану он выбирать умеет.

Второй этаж оказался безликим, как и первый: кремовые стены, белые двери. У меня возникло подозрение, что дом либо сдается, либо давно стоит пустым. Здесь не пахло людьми, только пылью и запустением.

Мой угрюмый спутник открыл дверь и остановился на пороге. Я попытался войти, но он преградил мне путь и кивком указал на пакет.

— Эту вещь нельзя передавать кому попало, — возмутился я.

Ничего объяснять он не стал — вырвал пакет из моих рук и втолкнул меня в комнату. Так грубо со мной давно не обращались, захотелось высказать все, что я думаю, но негодяй уже скрылся за черной непроницаемой ширмой, которая выглядела в этой комнате совершенно неуместно. Оттуда раздался второй голос, искаженный и похожий на радиопомехи:

— Достал все-таки.

Мой немногословный конвоир вернулся и встал перед ширмой, всем своим видом показывая, что лучше мне не пытаться взглянуть на того, кто скрывается за ней. Не очень-то и хотелось.

— Кто вы? — спросил я.

— Молитесь, чтобы вам никогда не пришлось узнать этого, — ответил невидимый собеседник.

— Скажите тогда, что я здесь делаю, — голос мой должен был звучать требовательно, но на деле походил на блеяние овцы.

— Мне захотелось увидеть того, кто рискует жизнью ради шара с джинном.

— Что ж, надеюсь, вы не разочарованы.

— Ничуть. Скажите, мистер Морган, насколько вы заинтересованы в личном обогащении?

— Какая причудливая формулировка вопроса, — заметил я. — Что вы имеете в виду под «личным обогащением»?

— Сколько процентов вашего дохода остается в кармане главы Ордена? — прямо спросил человек за ширмой.

— Не уверен, что могу говорить об этом.

Подписывая договор с Орденом, я не слишком внимательно прочел перечень правил и запретов, а сейчас, пять лет спустя, не мог вспомнить вообще ничего. Но что-то подсказывало: лучше не называть точных цифр и вообще помалкивать.

— Хорошо, мистер Морган. В таком случае скажу прямо: я точно знаю, что глава Ордена оставляет себе шестьдесят процентов. Можете не подтверждать эту информацию.

— К чему вы ведете? — не выдержал я. — Неужели вы позвали меня только затем, чтобы выяснить, сколько я зарабатываю?

— Я позвал вас, чтобы предложить больше.

Хочу ли я денег? Конечно! Любой, кто в детстве перебивался с хлеба на воду, хочет разбогатеть. Это наш святой Грааль, наша голубая мечта. Мы поклоняемся хрустящему доллару и блестящим слиткам драгоценных металлов. Глядя на себя и себе подобных, могу сказать, что нищета изуродовала наши души. Кто-то, дорвавшись до больших денег, начинает сорить ими, а кто-то, наоборот, превращается в скрягу. Мне удастся держаться где-то между этими крайностями, но с переменным успехом: бывают дни, когда я покупаю костюм за несколько сотен фунтов, а потом

пытаюсь сдать его обратно в магазин, понимая, что на эти деньги мог бы безбедно существовать довольно продолжительное время. Но сейчас мое желание заработать все деньги мира поджало хвост и забилося в угол. Орден не щадит тех, кто решает его покинуть.

— Боюсь, вынужден отказаться. Если вы в курсе внутренней политики Ордена, вам должно быть известно, что предательство карается смертью, — сказал я.

— Да, я знаю, — ответил мой собеседник. — Но дело интересное. Хотя бы выслушайте меня.

— Не тратьте свое время. — Я сложил руки на груди, подсознательно пытаюсь закрыться от этого человека. — Моя жизнь стоит больше, чем...

— Двести тысяч.

Рисковать жизнью мне приходилось и за куда меньшие деньги. Алчность — мой порок, я слаб, когда речь заходит о возможности обеспечить себе безбедное существование.

— Раздумываете? Триста тысяч.

Я едва не поперхнулся слюной. Триста тысяч?! В обход Ордена? Такой суммы на моем счету не было никогда, и потребуются годы на то, чтобы столько заработать.

— За такие деньги вы попросите меня кого-то убить? — спросил я, стараясь усмехнуться, но слыша: голос дрожит и звучит жалко.

— Только похитить, — спокойно ответил незнакомец.

— Почему я? И почему вы не хотите заключить договор с Орденом?

Я тянул время, не решаясь сразу отказаться от предложения. Знал, что придется, но упивался призрачной возможностью в один миг стать богачом.

— Не стану вас обманывать — дело очень щепетильное и сложное. Орден просто не возьмется за него.

Мои руки похолодели, кровь отлила от лица.

— Неужели речь о Непреложном Правиле?

— Именно так, — голос собеседника не дрогнул.

— Я отказываюсь, — твердо сказал я.

— Это не то, о чем вы...

— Я мог показаться вам достаточно легкомысленным, чтобы согласиться на опасную работу, но вынужден вас разочаровать: похищать мыслящее существо я не стану!

В Ордене Ловцов Чудес есть всего один закон, правило, которое нельзя нарушать. Его придерживаются все, кто имеет отношение к Изнанке нашего мира, — ни при каких обстоятельствах мы не имеем права посягать на свободу существа, которое прежде было человеком. Например, джинн, которого я приволок из Марракеша, — порождение песка и огня. Он рожден джинном, им и умрет, если они вообще могут умереть, конечно. Сирены, русалки, гоблины и лепреконы — Орден может достать кого угодно за хорошие деньги. Но есть существа, которые прежде были людьми. Обычно они хорошо прячутся, понимая, что их бывшие сородичи не потерпят рядом подобных тварей. Вампиры, гибриды, оборотни всех мастей — Орден не охотится за ними, более того, стоит кому-то взяться за подобное дело, как вчерашние братья восстанут против него.

— Мистер Морган, — в искаженном голосе я услышал раздражение, — тварь, за которой я прошу вас отправиться, давно погребена под полуразрушенным замком. Никто о ней не вспомнит, никто не станет о ней скорбеть. Это просто старые кости, которые...

— Которые вам зачем-то нужны, — излишне резко сказал я. — Лучше сразу убейте меня, сэр.

— Полтора миллиона долларов за легкое путешествие, прогулку, которая почти не потребует от вас усилий. — Собеседник будто не слышал моих возражений.

— Сколько раз я должен сказать нет, чтобы вы меня поняли? Просто наймите Охотника, они никогда не отказываются от таких дел.

— Мне порекомендовали именно вас, — упрямо возразил человек. — Вам можно доверять, мистер Морган. Сами

знаете, в нашем мире доверие стоит куда больше, чем полтора миллиона.

— Что вы хотите этим сказать?

— Об этом деле никто не должен знать. Поэтому я обращаюсь к вам напрямую, рискуя, кстати, своей анонимностью. Мы оба будем молчать, потому что хотим допить свою жизнь до последней капли, а не умереть от рук Карателей.

Мне было страшно и любопытно одновременно. Если дело настолько простое, как утверждает незнакомец, никто даже не заметит моей отлучки. Нарушение Непреложного Правила свяжет меня с заказчиком крепче, чем материнская утроба близнецов, мы оба будем молчать до последнего вздоха. Да и если речь идет всего лишь о мешке с костями...

— Что вы хотите достать? — после долгой паузы спросил я.

— Тело моего предка, — ответил незнакомец. — Он стал жертвой проклятия и исчез много веков назад. Совсем недавно я наконец узнал, где он нашел последнее пристанище. Не буду вам лгать — он стал бессмертным и в каком-то смысле все еще жив, насколько может быть живым чудовище, спящее под могильной плитой.

— То есть это все же не мешок с останками? — хмыкнув, уточнил я.

— Да, я преувеличил, но ведь нужно было вас как-то заинтересовать.

— Продолжайте.

— Руины замка находятся в Татрах. Вам известно, где это?

— Нет, впервые слышу это название.

— Север Словакии, это часть Карпатских гор.

— Как предсказуемо! — вздохнул я. — И почему всех бессмертных тянет забраться повыше?

— Хотите поговорить об этом? Что же, полагаю, они просто выбирают наиболее отдаленные места. Кому в здравом уме захочется взобраться на горный пик?

— Безопасность. — Я кивнул, забыв, что собеседник меня не видит. — Интересно только, кого они хотят защитить — себя или людей?

— Мистер Морган, давайте вернемся к делу. Так что скажете? Я могу на вас положиться?

— Боюсь, мне понадобится помощь, — нехотя признался я. — Подниматься в горы в одиночку очень опасно. Хотя, если вы обратитесь к Пожирателям Времени...

— Исключено, — отрезал человек. — Я нашел того, кто переместит вас, но к Гильдии обращаться не советую. Чем меньше людей знает о нашем деле, тем лучше. С вами отправится Филипп.

Я посмотрел на бритоголового громилу и понял, что путешествие не будет легким.

— Так мы договорились? — спросил незнакомец.

— Вы умеете уговаривать, — ответил я.

— Когда вы готовы отправиться?

— Мне нужно время, чтобы поддержать образ. Понимаете, чтобы...

— Я дам вам пять дней, — решительно сказал человек. — Потом за вами явится Филипп.

— Что ж, тогда...

— Проводи мистера Моргана.

— А как же тирс?! — запоздало спохватился я.

— Не беспокойтесь об этом, вы должны были доставить его мне.

Я возмущенно уставился на ширму, ошарашенный таким пренебрежением. Филипп не стал со мной церемониться — взял за локоть и повел к двери. Упереться смысла не было: если заказчик сказал, что разговор окончен, значит окончен. Но ведь мог бы закончить разговор иначе! Получив желаемое, Коллекционер просто потерял ко мне интерес.

Охранник открыл дверь черного входа и застыл словно изваяние. Он даже не взглянул на меня, когда я протиснулся

мимо. Хотелось сказать ему что-то колкое, но, когда я обернулся, дверь оказалась заперта.

— Проклятие... — выругался я сквозь зубы.

Теперь мне предстояло поймать кеб* и постараться привлечь поменьше внимания. Интересно, как я это сделаю, будучи одетым, как торговец с арабского рынка?

Дома, лежа в горячей воде, я позволил себе подумать о том, во что ввязался. Душа трепетала в предвкушении приключения, а сердце замирало от страха. Сознание же упорно отталчивалось, пребывая в неопишемом ужасе. Умею удивлять сам себя — такова моя натура.

Приключений и признания я жаждал всегда, даже в детстве. Сидя у окна, разглядывая прохожих сквозь толстый слой налипшей на стекло грязи, я чувствовал, что меня ждет иная судьба. Вернее, надеялся на это. Что пугало меня? Перспектива сгинуть в ненасытной пасти индустриализации, умереть от рака легких, работая в шахте, или превратиться в «скрюченного человека» — так мать называла рабочих заводов, которые целыми днями стояли у станков. Но больше всего, вне всяких сомнений, меня пугало превращение в собственного отца.

Я всегда принадлежал к породе тех несчастных, которые отрицают существование Всевышнего, и единственным поводом верить в существование ада для меня была надежда, что рано или поздно туда попадет мой отец. К побоям я привык, как привык вздрагивать каждый раз, когда его шаги звучали на лестнице. Психика ребенка необычайно

* Здесь имеется в виду так называемый мотор кеб, то есть не конный экипаж, а обыкновенный автомобиль. На улицах Лондона такие появились в 1900-е годы.

гибкая — иногда мне казалось, что все вокруг лишь игра, что мне просто нужно найти ключ от волшебной двери — и тогда я попаду в чудесное место, может быть даже в Англию!

Но каждое утро я просыпался, шел к окну и видел серую улицу опостылевшего Сливена.

Ели мы в ту пору одну картошку. Серьезно, только проклятую картошку. У нас не было денег даже на хлеб, не говоря уже о масле. Яйца на нашем столе появлялись исключительно на Пасху, но трогать их строго запрещалось. Крашенные яйца, как лакомство, мать давала мне всю следующую неделю — каждый день по половинке.

Мой быт был убогим, но привычным: школа, где я получал тумаки за то, что был одет беднее всех; отец, находивший деньги лишь на алкоголь, и потерявшая всякую надежду мать. Однажды, перед самым побегом, я в ярости вырвал бутылку из отцовских пальцев и спросил, вложив в вопрос весь яд, что копился во мне тринадцать лет:

— Почему ты каждый вечер приносишь домой это гадкое пойло, но никогда не возвращаешься с едой?!

Отец, обычно немногословный, поднял ослоневшие глаза и глубокомысленно изрек:

— Потому что на хлеб деньги просить стыдно.

Помню только, что я опешил, замер, как вмерзшая в лед рыба. Стоял, смотрел, как он сползает по обивке потрепанного зеленого кресла на пол, забываясь тяжелым сном.

Ему стыдно. Ему было стыдно!

Не знаю, почему я не расхохотался ему в лицо. Он не стыдился ходить в перешитой одежде, которую мы брали в Красном Кресте, не стыдился колотить жену и сына, не стыдился засыпать пьяным под заборами, не стыдился, когда его приводили домой полицейские, не стыдился своей неспособности обеспечить семью — но ему было стыдно просить денег на хлеб! Будто люди и так не видели, в каком плачевном положении мы находимся!

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

